

ски им. Александрова (руководил им в то время сын, Борис Александров). Он меня послушал и говорит:

– Парень, тебе 18 лет, голос еще не утвердился. У меня баритоны по-сильнее.

Посоветовал пойти в ансамбль песни и пляски Московского военного округа. Дирижером был тогда Сурен Баблоев, полковник. Я пришел, спел, станцевал.

– А вести программы сможешь? – спрашивает.

– Смогу, – говорю.

Короче, он послал на меня запрос в Курский военкомат. Я приехал домой, а запрос уже лежит. Словом, убедил я отца и пошел в армию – вместо того, чтобы поступать в ЛИСИ.

Так что служил я в Москве с выездами на гастроли. Кстати, и в Курске выступали. Я тогда весь ансамбль к маме на обед привел!

Отслужив, пришел поступать в ГИТИС. И поступил.

– Хлебосольность вашей семьи, маминны фирменные блюда многие вспоминают!

– Да, курский выпуск «Аншлага» называют лучшим еще и благодаря стараниям мамы и брата Бориса. А сейчас вот снимается выпуск этой программы, посвященный маминому юбилею: первого января ей 95 исполнится! Раньше в первых числах января я собирал всех ее подружек. Сейчас, увы, коллектив сильно уменьшился: многие ушли из жизни. Теперь приезжают мои друзья: Лева Лещенко, Саша Маршал, Алик Достман... Все приходят, не говоря уже о членах моей семьи.

Собраться, чтобы поздравить маму, – это традиция. И вообще с мамой я стараюсь общаться при любой возможности. Еще в далекие советские времена я звонил своим родителям в Курск отовсюду, допустим, с Кубы – через спецсвязь меня соединяли.

Помню, Лева Лещенко недоумевал:

– Зачем?! Ты уже позвонил жене – пусть она им передаст, что все нормально.

И я тогда, в 1979 году, сказал: «Лева, когда-нибудь изобретут какую-то невысказанную космическую связь, которая позволит людям без проблем общаться из любых точек планеты, но... абоненты исчезнут. Звонить будет никому».

Поэтому я стараюсь видеть маму ежедневно. Вот и сегодня с утра перед нашей беседой зашел к ней,

благо, живем рядом. Счастлив, что удалось купить маме квартиру в соседнем доме.

– Передать ей поздравления с юбилеем от нашего журнала.

Известно, что после вуза вас пригласили в театр оперетты. Но по законам советского времени, чтобы остаться в столице, нужна была московская прописка. И тут вам протянула руку помощи Тамара Первакова...

– ...за которой я к тому времени долго и без особого успеха ухаживал. Я – студент последнего курса ГИТИСа и стажер московского Театра оперетты, а она – уже артистка, хотя моложе меня на шесть лет. В нескольких спектаклях мы были заняты вместе. Я сразу на нее глаз положил: необычайно серьезная, профессионально безупречная, а глаза... огромные, голубые. И очень независимая. На мои подкаты, ухаживания и забросы в ее сторону (а я с напором пошел!) внимания не обращала. Держалась со мной сухо, обращалась на «Вы». Не меньше года это продолжалось. Но вот в институте наступает момент распределения. И вдруг эта неподдающаяся девочка подходит ко мне и говорит: «Извините, я с мамой разговаривала, и она согласилась. Вы хороший артист, и мне жалко, если вас упекут куда-нибудь в захолустье. Поэтому могу вам сделать фиктивный брак. Совершенно бесплатно и без всяких обязательств с вашей стороны, а как только вас возьмут в театр, мы сможем развестись».

А я сказал Тамаре: «Жениться фиктивно для меня оскорбительно. Выходи за меня замуж на всю жизнь».

– Насколько мне известно, ваш брак – довольно редкий в шоу-бизнесе пример многолетней верности...

– Да, кажется, мы рекорсмены. Сорок три года вместе. Больше такими сроками никто похвастать в нашем цеху не может.

– Вы, конечно, надеетесь, что дочь и в этом смысле пойдет по родительским стопам?

– Хотелось бы. Пока я вижу для этого все предпосылки. Зять за три года – с той поры, как он им стал, – ни в чем меня не разочаровал.

– Не так давно у вас появился внук...

К сцене готовился с детства

– Да, у меня растет замечательный внук, мой тезка – Федя.

– ???

– Когда я еще жил в Курске и ничто не предвещало, что имя мое – Владимир Винокур – станет известным, у брата родился сын, мой племянник, которого тоже называли Володей. Я его кормил и все приговаривал: «Надо, Федя, надо!» Как раз фильм «Операция Ы и другие приключения Шурика» был лидером проката. Так вот, когда племянш подросток и стал разговаривать, он заявил, что два Вовы Винокура в одной семье много и пусть он останется Вовой, а я стану Федей. С его подачи меня стали так звать в семье. Из армии я писал письма и подписывался – Федя. Брат до последних дней меня Федей называл, а племянник (ему уже под пятьдесят!) и сейчас так называет. Настя, дочь, решила сына в честь меня назвать. У евреев по традиции не принято называть именем живого родственника. Брат совершил ошибку. А Настя решила ошибок не повторять и все же назвать наследника в честь деда. Так что растет у нас Федор Григорьевич, 10 декабря год ему исполнился.

– Как случилось появление Федора Григорьевича на Настинной карьере? В прошлую нашу встречу, два года назад, вы рассказывали о ее работе в «Цирке дю Солей» и о том, как с замещением сердца следили за ее работой под куполом без страховки...

– Она обожает цирк. Ей нравится ощущать себя под куполом. Еще будучи студенткой Театрального училища Большого театра, увлеклась этим. С восемнадцати лет ежедневно, после многочасовых балетных репетиций, стала ходить на репетиции цирковые. Помню ее выступление в концертном